

фандвижение как некое отклонение. Напротив, это явление весьма свойственно самой сути медиакратии, оно - ее органичное порождение.

Для адекватного понимания обрисует ситуацию со всей ясностью. Спорт эпохи постмодерна – это не само спортивное состязание, а его медиамиф, сорганизовывающий тысячи и тысячи людей. Спорт – это граждане, припавшие к экранам телевизоров, болеющие больше в барах, чем на трибунах. В ситуации медиакратии спорт позволяет формироваться национальной идентичности. Это может происходить без нарушения монополии власти на насилие, то есть насилие осуществляется лишь на экране, не покидая рамок медиавыявления. Большинство граждан этим довольствуются, позволяя себе быть лишь символически причастными этому насилию. Майки и шарфы с логотипами команд – это та же символизация причастности к политическому насилию, которую мы находим, скажем, в дембельских альбомах. Символика, причащающая политическим насилием, мощно рекламируется. Осознавая всю опасность реализации медианасилия, власть предлагает его снятие в институтах: пиво в спортивном баре с друзьями, орешки и футболка перед телевизором – в общем смысле, в товаре. Однако этого оказывается не всегда достаточно. Часть медиаполитического сообщества выражает свою претензию на нарушение властной монополии на насилие и присвоение себе права на его свершение. Подобные взгляды есть не что иное, как экстремизм, и так как он активизирует архаичную дихотомию «мы – они», то это экстремизм правого толка.

Важно понять, что в мире постмодерна не фанаты есть производная от клуба, но клуб произведен от

фанатов. Первичен в спорте зритель. Вот почему клуб для фанатов выступает в роли объекта власти. Это есть некое пространство, подвластное фанам, их исконная земля, их территория, их народ. Будучи объектом, этот клуб слаб и может подвергнуться нападению. Говоря политическим языком, здесь наличествует образ родины, перед лицом агрессора. Прежняя власть, т.е. спорт сам по себе, не способен противодействовать «агрессору». «Родина в опасности и нуждается в защите». Такими защитниками выступают фанаты.

Показательна в этом случае местническая тенденция спорта как медиавыявления. Фандвижение внутри страны не едино. Оно раздроблено на клубы. Сплочение происходит только на уровне сборной, и уровень этого сплочения демонстрирует единство политического сообщества нации. Клуб, в свою очередь, это образ малой родины, близкого и реального феномена. Все дело в том, что осуществление насилия вырывает фаната из медиасреды. Ему со всей ясностью открывается вся фрагментарность мира постмодерна, и во избежание катастрофы он хватается за самое близкое, а потому реальное.

В конечном итоге следует утверждать, что насилие, совершаемое фанатами, не есть хулиганство, как выход некоего антропологического насилия особо актуального в молодежной среде. Это насилие есть феномен политический, коль скоро сам спорт есть осуществление медиакратии. Фандвижение в этой ситуации есть квинтэссенция спорта – дискурс медиакратичного экстремизма.

1 Цит. по А. Цуладзе Большая Манипулятивная Игра. – М., 2000. – С.44.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА И ГРАЖДАНСКАЯ АКТИВНОСТЬ РОССИЯН В.Н. Руденкин

Руденкин Василий Николаевич
доктор политических наук, профессор УрГУ

Когда двадцать лет назад началась перестройка, общество в массе своей оставалось во власти патриархально-подданнической политической культуры, ориентировалось не столько на организованные совместные действия, сколько на доброго и умного «царя». Насколько значительно изменилась за эти годы наша политическая культура и как эти изменения повлияли на гражданскую активность россиян?

По данным социологических исследований конца 1980-х – начала 1990-х годов, большинство россиян изначально связывало ценности демократии не столько с политическими свободами, сколько с материальным благополучием. Такое понимание

демократии таило в себе серьезную опасность, ибо ставило отношение людей к новому политическому режиму в прямую зависимость от его способности быстро и без серьезных социальных издержек добиться коренного улучшения экономической ситуации. И как только общество в процессе реформ столкнулось с экономическими и социальными тяготами, наступило массовое разочарование в демократии.

На отношение россиян к демократии негативно повлияли не только отсутствие или слабость демократических традиций в нашей политической культуре, не только многочисленные экономические тяготы переходного периода, но и негативная роль элиты, своими действиями дискредитировавшей в глазах рядовых граждан многие институты и принципы демократии.

Откровенное пренебрежение элитой нравственными и правовыми нормами, равнодушие

к проблемам социального самочувствия рядовых россиян вызвали вполне естественную реакцию общества: уже к середине 1990-х годов подавляющее большинство россиян (до 80%) пришло к твердому убеждению, что «российские власти мало интересуют мнение таких простых людей, как мы», что «людям, правящим страной, безразлична судьба отдельного человека». Поэтому люди и не доверяют власти, более того – почти половина россиян (46%) убеждены в том, что эффективных способов отстаивания своих интересов в общении с властью в сегодняшней России не существует, а 78% опрошенных за последний год и не пытались прибегать к ним, хотя почти каждый второй за прошедшие три года сталкивался с нарушениями своих прав и интересов.¹

Утрата характерных для эпохи перестройки надежд на быстрый рост благосостояния после перехода к рыночным отношениям привела к заметному ослаблению патерналистских настроений и установок. Сегодня все большее число россиян ориентируется на собственные силы, перестает видеть в государстве гаранта своего материального благополучия. Как отмечает известный социолог Ю. А. Левада, «граждане все больше стали рассчитывать на собственные силы. ...В ноябре 2001-го 15 процентов россиян жаловались интервьюерам, что никак не могут приспособиться к нынешней жизни. А в ноябре 2004-го количество таких ответов снизилось до 10 процентов». Хотя, с другой стороны, «только каждый 13-й опрошенный заявил, что ему удалось использовать новые возможности, добиться большего в жизни. 6–8 процентов таких граждан – это чрезвычайно мало».²

К сожалению, освобождение от патерналистской ментальности не сопровождается ростом гражданской самоорганизации. Россияне по-прежнему демонстрируют весьма скромную готовность к объединению с другими людьми с целью совместного решения каких-либо актуальных для них проблем. Весьма характерно, например, что большинство, считающее необходимым развитие демократии, не придает значения ни формированию независимых от государства общественных ассоциаций и объединений, ни становлению местного самоуправления. Признавая тот факт, что сегодня гораздо легче, чем в прошлые времена, создавать различные неформальные организации, лишь немногие считают, что деятельность подобных организаций может обеспечить учет интересов граждан и оказать реальное воздействие на власть.

Невысокая в целом гражданская самооценка – прямое следствие «фрустрированной» идентичности, характерной для многих россиян. Миллионы бывших советских людей, социализация которых происходила в кардинально иных условиях, волею обстоятельств вынуждены были расстаться с прежними, привычными для них

идентичностями и искать новые – а этот процесс не может быть быстрым и безболезненным. Кризис идентичности порождает стратегию не коллективного, а сугубо (или преимущественно) индивидуального приспособления к жизни. Низкая гражданская самооценка оборачивается неверием граждан в перспективность и результативность совместных, солидарных действий по отстаиванию и защите своих интересов.

В такой реакции общества на произошедшие изменения есть свои «плюсы» и «минусы». С одной стороны, за последние годы в обществе в значительной мере оказался исчерпанный потенциал гражданской активности, который мог бы быть использован для реального обновления российского общества. Причина тому – массовое разочарование теми результатами, которые были достигнуты в ходе завязавшегося было диалога между властью и обществом. Подобное разочарование толкает людей на поиск элементарных стратегий выживания, что, безусловно, блокирует формирование подлинно гражданской активности.

С другой стороны, россияне в своем большинстве не хотели бы возврата к прежним порядкам, при которых их мнение вообще не принимается во внимание властями. А это, в свою очередь, ориентирует «выплеск» их недовольства в русло поиска законных форм его выражения. При всех тяготах посткоммунистического перехода в российском обществе так и не возникло массовой влиятельной радикальной оппозиции общему курсу на демократические и рыночные преобразования, а тем более – широкомасштабного движения протеста. И хотя отсутствие такого протеста самого по себе вряд ли можно оценить как безусловно положительное явление (ибо этот факт свидетельствует о неготовности общества защищать и отстаивать свои права перед лицом часто несправедливых, а нередко и просто незаконных действий властей), есть основания в подобной «стабилизирующей апатии» общества усмотреть некоторые обнадеживающие моменты. В частности, такая апатия свидетельствует о том, что россияне в своем подавляющем большинстве отвергают насильственные, революционные средства отстаивания своих прав.

Как видим, здесь налицо явная противоречивость: с одной стороны – российское общество пока не доросло до современных форм представительства и защиты групповых интересов (причина тому – слабость и недостаточная влиятельность общественных организаций и движений);³ с другой стороны – оно уже цивилизованно переросло фазу «дикарской стихии», при которой общественное недовольство могло бы вылиться в кровавый и бессмысленный бунт. Как справедливо отмечает Ю. А. Левада, «от угрозы «русского бунта» мы уже ушли, но к цивилизованному партнерству пока не пришли».⁴

Оценивая в целом культурное и социально-

психологическое состояние современного российского социума, можно сказать, что оно пока не стало вполне адекватной основой еще только формирующегося гражданского общества. Сохраняющиеся в общественном сознании россиян многие элементы традиционно «подданнического» менталитета и тормозят во многом его становление.

В то же время беспрецедентная для России открытость внешнему миру, в условиях которой прошло последнее десятилетие, безусловно, не прошла бесследно. Она способствовала существенной либерализации сознания и культуры людей, утверждению в обществе (пусть во многих случаях пока только на вербальном уровне) новых ценностных установок. Да, эти установки часто противоречивы, содержат в себе, наряду с либеральными принципами, традиционные для России авторитаризм, утопизм, этатизм, правовой нигилизм, а потому не могут (пока) рассматриваться как достаточные духовные предпосылки становления гражданского общества.

Важнее, однако, другое: за прошедшее десятилетие в России сформировалось активное

меньшинство, последовательно руководствующееся принципами и ценностями демократии и гражданского общества и реализующее их в своем практическом поведении. Во многом именно благодаря активности этих людей и происходят не всегда заметные, но весьма значимые изменения в общественном сознании и поведении россиян.

1 См.: Петухов В. В. Политическое участие и гражданская самоорганизация в России // Мировая экономика и международные отношения. 2004. № 8. С. 28, 27.

2 Лучшая жизнь сама не приходит // Труд. 11 января 2005.

3 «У нас – «зрительское» общество: можем смотреть и даже переживать за то, что происходит в политическом «театре», но не хотим участвовать», – отмечает Ю. А. Левада. – У нас нет массовых народных движений, организаций. У нас не организована «серedinка» общества, то, что называют гражданским обществом». // (Почему народ из двух зол выбирает... оба? Из интервью с Ю. А. Левадой // Аргументы и факты. 1998. № 40).

4 Ю. Левада: Ни революций, ни бунтов у нас не будет // Труд. 5 марта 1999 г.

«ИМПЛАНТИРОВАННАЯ» ДЕМОКРАТИЯ

В.В. Уфимцев

Уфимцев Виктор Владимирович

доктор социологических наук,
проректор Уральского института коммерции и
права по научной работе, профессор кафедры
политологии и социологии ИППК
при Уральском госуниверситете

В России «пробуксовывает» демократия. Почему? Чтобы ответить на данный вопрос, необходимо вернуться несколько назад, к истокам радикальных рыночных реформ в России. Тогда российскому обществу политической элитой был

навязан радикально-либеральный политический курс.

Утверждения о том, что либерально-демократическую модель выбрало якобы население, и что этот выбор носил добровольный характер, не подтверждаются социологическими исследованиями. Люди, в большинстве своем, желали жить при гуманном, демократическом социализме, «социализме с человеческим лицом». Косвенно это подтверждают и результаты Всесоюзного референдума о сохранении обновленного Союза советских социалистических республик в марте 1991 г.

Но это не возымело действия. С маниакальным упорством большевистскими методами политической элитой (как она сама себя называет) навязывалась доверчивому населению либерально-демократическая западная модель. При этом крушилась все и вся: история, весь опыт предшествующих поколений, социальные институты, все подвергалось жесткой обструкции.

В своих исследованиях Ю.А. Красин утверждает, что отечественная модель демократии носила имитационный характер. Более того, можно, на наш взгляд, дополнить следующее: либералы попытались западные нормативные установки, складывающиеся там столетиями, имплантировать в российскую действительность; в совершенно иную